

“Иностранный биллон” в финансовой политике России первой половины XIX в.

Валерий ШИШАНОВ



Заместитель
директора
по научной работе
Витебского областного
краеведческого музея

Использование в денежном обращении иностранной монеты — один из признаков слабости финансовой системы государства. Вхождение в состав России в XVIII — начале XIX в. обширных территорий потребовало значительных усилий по изменению и адаптации ранее существовавших административных и финансовых систем.

В сфере денежного обращения особое внимание уделялось прекращению хождения на присоединенных землях “биллона” — низкопробных серебряных польских двух-, однозлотовых, пятнадцати-, десяти-, шести-, пятигрошевых, соответствовавших им саксонских, саксонско-польских, прусских, австрийских монет, а вместе с ними и медных польских, саксонско-польских трех-, одно- и полугрошевых монет*.

Первый указ, ограничивавший срок хождения “прежних” монет одним годом, появился вскоре после завершения первого раздела Речи Посполитой — 9 ноября 1772 г. [5, т. XIX, № 13903]. Но мер по его строгому исполнению предпринято не было. И вновь этот вопрос поднимается в 1799 г. в связи с необходимостью распорядиться польскими трояками и грошами на сумму 4680 руб. 26 коп., поступившую в комиссию по уплате долгов князя Любомирского в Киеве. Сенат посчитал, что в подобных случаях выгоднее принимать такую монету по 16 руб. за пуд и переплавлять в медные слитки, “далее же хождение оной бывшей польской монеты воспретить и за тем гражданскому начальству иметь строгое наблюдение” [5, т. XXVI, № 19891 (28 мая 1801 г.)].

Следует отметить, что низкий курс российских ассигнаций и невозможность насытить рынок собственной серебряной и медной монетой долгое время были одними из основных причин, препятствовавших унификации денежной системы [9]. Поэтому к обращению золотой и “добротной” серебряной иностранной монеты власти относились более терпимо. Известны указы, разрешавшие “по причине не довольно достаточного обращения” российской монеты принимать в подати иностранную монету или голландские червонцы. Один из таких указов, касавшийся “Литовских губерний”, был дан Александром I государственному казначею 7 мая 1802 г. [5, т. XXVII, № 20257]. Но 10 апреля 1809 г. из-за “беспрестанной перемены” курса вернулись к сбору налогов российской серебряной монетой [5, т. XXX, № 23576].

Попытки укрепить позиции русских ассигнаций и медной монеты путем разрешения принимать их в уплату налогов приводили к нежелательным для казны результатам. По рапортам из Волынской, Минской и Эстляндской губерний 21 мая 1800 г. вышел сенатский указ “О взимании пошлин с покупаемых имений тою же самой монетой, за какую имение покупается”, поскольку выяснилось, что сделки совершались на золото и серебро с указанием цены в польских злотых или рублях, а пошлины в казну вносились бумажными и медными деньгами [5, т. XXVI, № 19425]. Указ, по сути, отменил принятое 28 августа 1789 г. решение по аналогичным делам о приеме в платежи “всякой монеты” [5, т. XXIII, № 16798].

Подобное непостоянство наблюдается и в принятии решений о выплате жалованья чиновникам. Так, в Лифляндии до учреждения наместничества в 1783 г. жалованье “присутственным местам” выплачивалось ефимками или российской серебряной монетой, после — ассигнациями по курсу 1 руб. 25 коп. за 1 ефимок. По представлению Лифляндского и Эстляндского губернатора князя Голицина 9 апреля 1802 г. появляется указ императора “Об отпуске сумм по положенной в Риге на жалованье канцелярским служащим альбертовыми талерами” [5, т. XXVII, № 20227]. Через шесть лет, 24 июня 1808 г., следует распоряжение о производстве выплат ассигнациями “на прежнем основании” [5, т. XXX, № 23113].

За исключением двух указов о запрещении ввоза и “хождения внутри государства” австрийских цвель-

* Отдельные аспекты темы затронуты в работах: Никотин, И.А. Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649—1876) / И.А. Никотин. Вильно, 1886. Т. 2. С. 391—392; Печерин, Я.И. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами / Я.И. Печерин // Вестник Европы. 1876. Т. IV. Кн. 8. С. 628—630; Шодуар, С. Обзорные русские деньги и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / С. Шодуар. СПб., 1837. Ч. 1. С. 79—82.

феров (12 крейцеров) [5, т. XXVII, № 21026 (3 ноября 1803 г.)] и прусской мелкой монеты ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{30}$ талера) [5, т. XXVII, № 21200 (8 марта 1804 г.)] первое десятилетие XIX в. отмечено политикой терпимости в отношении к иностранной монете.

Решительные шаги к преодолению финансового кризиса и установлению “правильной и единообразной монетной системы” намечались в манифесте от 20 июня 1810 г. [5, т. XXXI, № 24264], составленном на основании “Плана финансов 1810 г.”, разработчиками которого выступили М. Сперанский и М. Балугьянский [3, с. 126—131]. В этом манифесте “главную непремяемой и законной мерою (монетною единицею) всех монет” в государстве устанавливался серебряный рубль. Особый его раздел посвящался “единообразию монетной системы”, в котором содержались параграфы, предписывавшие все финансовые документы и сделки заключать во всех губерниях без исключения в российской монете, прекратить с 1811 г. во всех внутренних делах счет на иностранную монету и с 1812 г. запретить “ход и привоз иностранной мелкой монеты, под общим именованьем биллон известной”.

Намеченную в манифесте от 20 июня 1810 г. реформу по многим причинам не удалось реализовать. Но манифест придал ход бюрократической машине, и 4 сентября 1811 г. на заседании Департамента государственной экономии рассматривался вопрос о путях прекращения “хода и привоза” биллона в Лифляндской и Курляндской губернии, “более всех иностранную монету употребляющих” [1, стб. 566—571].

Министр финансов Дмитрий Гурьев изложил мнение рижского военного губернатора, который считал необходимым привезти в упомянутые губернии 6 млн. руб. медной и 1,5 млн. серебряной монетой, “упразднить частных меновщиков” и открыть “контору при казенной палате” для осуществления обмена “во всякое время и во всяком количестве” до тех пор, пока иностранная монета не выйдет из обращения. Губернатор считал также необходимым принимать подати исключительно российской монетой и для снижения издержек на провоз монеты учредить в крае монетный двор.

Однако сам министр финансов оказался противником столь решительных мер, находя, что “введение вдруг российской монеты сделать невозможно и не настоит надобности” и достаточно будет принимать талеры в пробирную палату и перечеканивать в рубли, а с уменьшением количества крупной монеты будет снижаться потребность в разменной, которую нужно принимать не по курсу, как талеры, а как “серебро в товаре”. Ввоз медной монеты в нынешнем весе, как считал министр, приведет к быстрой утечке ее за границу, поскольку номинальное достоинство монет ниже цены содержащейся в них меди. Во избежание чего предлагалось сделать на монете, чеканенной по 16 руб. из пуда, надчеканку с указанием номинала в соответствии с новой стопой — 24 руб. из пуда. Данная надчеканка и стала камнем преткновения, поскольку осуществить это быстро не представлялось возможным, и департамент посчитал необходимым отсрочить запрет на обращение биллона “доколе министерство финансов не исполнит всех своих предположений”. Но их исполнение затянулось, а 1 декабря 1813 г. было подписано мнение Государственного совета о продлении свободного обращения биллона в Остзейских губерниях до истечения 1814 г. [5, т. XXXII, № 25484].

Следует заметить, что недостаток в медной монете наблюдался и после повышения монетной стопы в губерниях, граничивших с прибалтийскими. Так, на заседании Комитета министров 2 ноября 1810 г. рассматривалось донесение из Псковской губернии, руководство которой пришло к выводу, что купцы под видом “торговых оборотов” отправляют в Лифляндскую губернию “в знатном количестве медные деньги и вероятно для переплавки в медную посуду” [2, с. 101].

В 1820-е гг. вопрос об “иностранном биллоне” становится предметом более пристального внимания российской администрации.

31 августа 1824 г. по утвержденному положению Комитета министров сенатом был дан Указ “Об обнаружении повсеместно правил о мерах к прекращению хода иностранной разменной монеты, с означением званый монеты и цене оной” [5, т. XXXIX, № 30042; *таблица 1*]. В нем предусматривались следующие меры.

1. “Из особого снисхождения” установить четырехмесячный срок для вымена биллона в уездных казначействах по таксе, определенной “по внутреннему достоинству” монет.
2. По окончании срока строжайше запретить всякое употребление биллона.
3. В случае если монета будет замечена “на рынках или в других публичных местах”, она подлежит конфискации с выплатой половины стоимости “открывателю”.
4. Если после восьми месяцев биллон все же будет обнаружен в обращении, то местные “полицейские чиновники”, как “неспособные и нерадивые, должны быть отрешаемы от должности”.
5. В случае получения после четырехмесячного срока сведений о лицах, тайно занимавшихся продажей или обменом биллона, следовало обыскать их дома и при обнаружении конфисковать монету, всю ее стоимость выплатить доносителю, а виновного “предать законному суждению”.

На протяжении мая — декабря 1827 г. вопрос об обращении биллона в Западных и Остзейских губерниях вновь обсуждался на заседаниях Департамента государственной экономии, Комитета министров и Государственного совета [7].

Таблица 1

Такса, по которой следовало принимать иностранную разменную монету в Остзейских губерниях по Указу от 31 августа 1824 г.*

Фердинг	3 коп.
Марка	6 коп.
Полуфинфер	10 коп.
Финфер	20 коп.
Двойной финфер	50 коп.

* Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830. Т. XXXIX. № 30042.

Фердинг (от нем. “vier” — четыре) — денежно-весовая единица, равная $\frac{1}{4}$ марки. В Эстонии и Латвии так называли монету $\frac{1}{2}$ гроша, чеканившуюся в Риге в XVII в. в период польского правления, и другие мелкие монеты в полтора гроша (полтора-рак).

Марка (марк-фердинг) — 2 фердинга.

Финфер — 5 фердингов.

Министр финансов Егор Канкрин указывал на то, что “в Литовских губерниях и Белостокской области, где вся внутренняя торговля производится по тамошнему обыкновению на серебряные деньги, в случае недостатка российской разменной монеты бывает в употреблении нередко прусская, известная под названием 3-й, 6-й, 12-й части прусского талера, а также слитки, которые иногда ввозятся тайным образом в весьма значительном количестве, ныне же в упомянутых губерниях и отчасти в Минской и Волынской имеет наибольшее кругообращение биллон Царства Польского по соседственным отношениям и по крайнему недостатку в тех губерниях мелкой серебряной и медной российской монеты” [7].

Е. Канкрин считал возможным завести в указанные губернии большее количество медной монеты и “некоторые суммы” мелкой серебряной, но последней “не в излишестве, ибо сия монета, особливо 5-ти копеечники, наиболее содействуют к вытеснению из обращения медной монеты, которая вообще в казначействах накапливается с избытком”. Указывал министр и на необходимость принятия мер к прекращению вывоза за границу российской монеты и запрета по образцу Остзейских губерний хождения и ввоза “малодобротной” иностранной.

На заседании Государственного совета 30 декабря 1827 г. в ходе обсуждения вопроса о необходимости обращения биллона в Западных губерниях выявилось два мнения. Маркиз Пауллуччи, графы Воронцов, Пален и Новосильцев единогласно утверждали, что обращение биллона необходимо, поскольку “он служит единственным средством торгового обращения между смежными обывателями, и что прекращение сего движения без замены другими средствами было бы крайне неудобно и стеснительно”. Пауллуччи считал хождение биллона даже полезным.

Напротив, Е. Канкрин не признавал необходимости использовать биллон в приграничной торговле, называя причиной привязанности к нему только “привычку обывателей”, и вновь заявлял о вреде биллона, заключавшемся прежде всего в том, что на него выменивалась и после вывозилась “добротная” российская монета. Отмечал министр финансов и то, что низкопробная монета — притягательный объект для фальшивомонетчиков, “по прекращении хода низкопробной монеты в последствии оказалось оной вдвое более, нежели было выпущено” [7].

В итоге члены Государственного совета пришли к мнению: “<...> в настоящем положении монетного нашего движения, есть весьма уважительныя причины допустить, или, лучше сказать, терпеть до принятия других средств обращение иностранного биллона, как по уважению народных нужд, по сим пограничных торговых сношений, по невозможности заменить его медною нашею монетою, в настоящем ее составе, так и потому наиболее, что под именем сего обращения никогда не разумелось и не было допускаемо обращение биллона в виде действительной монеты, никогда он не был допускаем и ныне не допускается, ни в платеж податей и повинностей, ни в договорах с казною, даже и в частных договорах, в купле и продаже он допускается единственно по добровольному обоюдному согласию”.

“Настоящий вред” такого обращения члены Совета видели в обмане, которому может подвергнуться “про-

стой народ” в “мелочных его обменах и продажах”. Хотя жалоб не поступало, но сама вероятность обмана и подлога считалась достаточной причиной к поиску средств для пресечения злоупотреблений. Совет признал, что прежние постановления не достигли своей цели и нужно обратиться к “средствам постепенным”. В частности:

- подтвердить запрет на ввоз биллона;
- продумать пути распространения российской монеты;
- до того “не употреблять никаких запретительных мер к стеснению движения иностранного биллона между обывателями по нуждам их и по добровольному согласию, стараясь токмо облегчить сколько возможно в местных казначействах удобность добровольных разменов ассигнаций и серебряной нашей монеты на медную и обратно” [7].

13 мая 1828 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета о необходимости заменить иностранный биллон медной монетой [6, т. III, № 2022]. Однако соответствующий указ немногословен и не раскрывает всех обстоятельств дела, но отсутствие в документе даже упоминания о запретах свидетельствует о приверженности “постепенным средствам” к вытеснению (“заменению”) биллона.

В 30—40-е гг. XIX в. в России наблюдался экономический подъем, сопровождавшийся развитием внутреннего рынка, внешней торговли и улучшением состояния государственных финансов. Ежегодный перевес ввоза золота и серебра над вывозом в 1821—1830 гг. составлял 7,1 млн. руб.; в 1831—1840 гг. — 11,7 млн. руб. золотом [8, с. 326]. Значительно увеличилась добыча золота и серебра.

Правительство столкнулось с распространением “добротной” иностранной золотой и серебряной монеты в центральных губерниях. И поскольку она ценилась несколько выше своего “внутреннего достоинства” и вызывала различные затруднения в денежных оборотах, необходимо было определить отношение к создавшемуся положению. Анализ ряда документов 1830-х гг. позволяет говорить о проявлении терпимости к обращению такой монеты. Был узаконен ее прием (“до третьей части”) по установленному курсу в счет подушной подати, оброка, на “водные и сухопутные сообщения”, за право винокурения [6, т. IX, № 7221 (25 июня 1834 г.); т. XI, № 9106 (27 апреля 1836 г.); т. XIII, № 11839 (10 декабря 1838 г.); т. XIV, № 12536 (14 июля 1839 г.)].

Следующее десятилетие отмечено возобновлением попыток пресечения обращения биллона. 16 октября 1844 г. последовало “высочайшее повеление”, по которому определялся двухгодичный срок для жителей Остзейских и Западных губерний для “сбыта” находящейся у них иностранной и польской низкопробной монеты [6, т. XIX, № 18304]. Министру финансов Федору Вронченко предписывалось немедленно сделать все зависящие от него распоряжения к снабжению местных казначейств достаточным запасом российской монеты и предоставить “предположения” Государственному совету о способах “окончательного сбыта биллона”.

Предполагалось, что по истечении срока будут введены в “полное действие запретительные постановления и меры взысканий”, среди которых по “Уложению о наказаниях уголовных и исправительных” добавился штраф в размере тройной нарицательной це-

